

В. П. ЗУБОВ

Елифаний Премудрый и Пахомий Серб

(К вопросу о редакциях „Жития Сергия Радонежского“)

До настоящего времени у историков литературы нет твердо установившегося взгляда на принадлежность различных редакций „Жития Сергия Радонежского“ Елифанию или Пахомию.¹ Между исследователями нет даже согласия о количестве редакций: две, три, семь, девять.

Напомню, что Елифаний приступил к написанию жития в 1418 году, начав собирать материалы 20 годами ранее и написав до указанного года отдельные куски, из которых одни находились у него в „свитках“, другие — в „тетратех“. Фрагментарную беспорядочность этих материалов сам Елифаний характеризовал так: „предняя“ были „назади“, а „задняя — наперед“.

Пахомий Серб прибыл в Россию с Афона до 1438 года.² Пребывание его в Троицком монастыре и работа над житием Сергия относятся к 1440—1459 годам.

В отличие от Елифания, Пахомий писал после „обретения мощей“ Сергия (1422) и потому главное внимание обратил на „чудеса“; некоторые из них он якобы видел „своима очима“. В бытность свою в Троицком монастыре Пахомий составил также службу Сергию и написал житие сергиева ученика, Никона Радонежского.

Предположение о двух одновременных редакциях, принадлежащих Пахомию, подсказывается тем, что после описания двенадцати „посмертных чудес“, которое уже Ключевский убедительно датировал 1438—1443 годами,³ в некоторых списках следует еще описание „чудес“, относящихся к 1449 году. Они, очевидно, приписаны после, при вторичном пересмотре жития, которое, следовательно, относится ко

---

¹ В дальнейшем сокращенно (под фамилиями авторов с указанием страницы) цитируются следующие труды:

В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

Н. С. Тихонравов. Древние жития Сергия Радонежского. М., 1892 (1916).

В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908.

Е. Е. Голубинский. Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. 2-е изд., М., 1909.

² В этом году уже были внесены в „Служебную mineю“ написанные им в Новгороде служба и похвальное слово Варлааму Хутынецкому (Н. С. Тихонравов, отд. 2, стр. 189).

³ В. О. Ключевский, стр. 116—118.

времени между 1449 и 1459 годами, поскольку 1459 годом датируется старейший известный нам список Пахомиевской редакции.¹

Приводимые ниже наблюдения над текстами были начаты нами в 1940 году в связи с реставрационными работами, предпринятыми в Загорском заповеднике (Троице-Сергиевой лавре) по особому постановлению правительства. Основной нашей целью тогда было выяснить историческую достоверность житийных свидетельств, рисующих древнейший архитектурный облик Троицкого монастыря. Это привело к необходимости сравнить различные редакции и выяснить их принадлежность Епифанию и Пахомию. Основные выводы сделаны на основе печатных изданий „Жития“. Позволяем себе думать, что и в таком виде наши выводы могут послужить путеводной нитью в лабиринте списков „Жития“, исчисляемых если не сотнями, то многими и многими десятками.

Мы будем основываться на следующих редакциях, обозначая их теми же буквами, что и Яблонский, у которого читатель может найти и более подробные указания на рукописи:

- Редакция А — напечатана Тихонравовым, отд. 1, стр. 70—144.
 „ Б — напечатана им же, отд. 1, стр. 3—69.
 „ В — не опубликована (видимо, близка к редакции Д).
 „ Г — напечатана Тихонравовым, отд. 2, стр. 3—60.
 „ Д — напечатана в „Великих минеях-четьих“ (сентябрь, дни 25—30, СПб., 1883, стлб. 1408—1463).
 „ Е — издана факсимильно литографским способом в лавре в 1853 году и архимандритом Леонидом в „Памятниках древней письменности“ (СПб., 1885), а также в „Великих минеях-четьих“ (указ. том, стлб. 1463—1563).
 „ Н — помещена в Никоновской летописи, под 1392 годом (ПСРЛ, т. XI, 127—147).

Задачей настоящей статьи является доказать: 1) что ни редакция Б, ни редакция Е, ни тем более другие, не могут быть в целом приписаны Епифанию; 2) что редакция Г, с одной стороны, и редакции В—Д, с другой, не могут характеризоваться как первая и вторая Пахомиевские редакции. И редакция Епифания и первая редакция Пахомия дошли до нас лишь в виде „инкрустаций“ в текст, являющийся в основном второй редакцией Пахомия.

Редакция Б, вопреки Н. С. Тихонравову, не может принадлежать Епифанию. Если считать редакцию Б „Епифаниевской“ редакцией, то становятся трудно объяснимыми совпадения редакции Б с житием Варлаама Хутынского, писанным в Новгороде Пахомием Сербом до прихода его в Троицкий монастырь. Пришлось бы предположить, как и сделал Тихонравов, что Пахомий имел в своем распоряжении в Новгороде текст в редакции Б (Епифания, по Тихонравову) и внес в него стилистические поправки и дополнения, откуда они перешли сначала в редактированное им „Житие Варлаама Хутынского“, а потом в редакцию Г „Жития Сергия“ („первую Пахомиевскую редакцию“, по Тихонравову). Это — путь сложный и неправдоподобный. Выходит, что в Новгороде Пахомий редактировал „Житие Варлаама“, взяв за образец Епифаниевское „Житие Сергия“ (редакция Б), а в Троицком монастыре при написании нового „Жития Сергия“ (редакция Г) взял за об-

¹ ГИМ, Синод. № 637 (в дальнейшем — редакция Г). — Документально засвидетельствованные следы деятельности Пахомия в Троицком монастыре кончаются также 1459 годом (ср.: В. О. Ключевский, стр. 119—120).

разед не Елифания, а редактированное им самим, Пахомием, „Житие Варлаама“.

Не проще ли принять, что текст „Жития Варлаама Хутынского“, написанный Пахомием в Новгороде, был им позднее использован при написании „Жития Сергия“?

Из дальнейшего изложения выясняются и другие мотивы, не позволяющие приписать редакцию Б Епифанию.

Точно так же и редакция Е не может считаться первоначальной. Она не дошла до нас в списках XV века, и уже Ключевский высказывал подозрение, не есть ли она „произведение редактора XVI в.“¹ Более пристальное изучение ее подтверждает, что редакция Е (или так называемое „пространное житие“) является заключительным этапом в истории текста „Жития Сергия“, и что она вобрала в себя различные варианты. Мы имеем перед собою типичный для XVI века „свод“ — такой же переработанный свод, включивший в себя различные компоненты, как „Макарьевские минеи-четыри“ или своды летописные.

Подтверждением того, что редакция Е является компиляцией различных редакций, служат: 1) дословное совпадение одного ряда ее глав с редакцией Г, другого — с редакцией Д;² 2) наличие рассказа об одном и том же событии в двух или более редакциях.³

Значение редакции Е заключается для нас именно в том, что она сохранила куски различных редакций, зачастую наиболее ранних, в других списках не сохранившихся.

Совершенно особняком стоят начальные главы редакции Е, посвященные юным годам жизни Сергия. Они производят впечатление попытки написать в XVI веке новое житие в крупном масштабе, с риторическими украшениями, цитатами, — словом, дать нечто вроде огромной „иконы с житием“.⁴

Если редакция Е является в основном сводом разнородных текстов, подчас даже недостаточно слаженных друг с другом (на что указывает расположение рядом нескольких вариантов одного повествования), то естественно напрашивается мысль, не сохранила ли редакция Е в виде отдельных ингредиентов и куски первоначальной редакции Епифания?

¹ Ключевский, стр. 100. — Его смущало при этом одно обстоятельство: список типа Е из собрания Ундольского, № 370 он считал относящимся к XV веку. Однако этот список, в котором главы расположены в ином порядке, чем в других списках редакции Е, относится к XVI веку (см.: Тихонравов, отд. 2, стр. 199). Тот факт, что в списке Унд. № 370 главы объединены в другом порядке, свидетельствует, что в XVI веке еще не установился твердый канонический порядок этих глав и делалась не одна попытка создания „свода“ или „сводной редакции“.

² Ограничимся указанием на следующие главы: редакции Г и Е — о изведении источника, о воскресении отрока, о беснующемся вельможе, о видении братства; редакции Д и Е — о посещении богоматери, о видении огня, о пришедшем епископе, о провидении еже посланных брашен причастившуся, о лихоимце.

³ Глава „О изобилвании потребных“ содержит три варианта одного и того же повествования. Первый начинается словами: „Понеже убо исперва, егда...“, второй: „Егда исперва...“, наконец, третий: „Исперва, егда...“. В главе „О начале монастыря иже на Киржаче“ сначала кратко (как и в редакции Б) рассказано о возвращении Сергия в Троицкий монастырь, а затем то же событие рассказано более пространно словами редакции Г (где этот рассказ выделен в особую главу — „Возвращение Сергиево с Кержача“).

⁴ Так, за повествованием о рождении Сергия следует длинное рассуждение о значении „чудесных знамений“ и о значении числа „три“, а далее — ряд примеров из других житий.

Для суждения по этому вопросу немаловажны стилистические особенности произведений, заведомо принадлежащих Епифанию. К числу таковых относится „Житие Стефана Пермского“.¹ Стилль этого „Жития“ очень характерен. Обычно исследователи квалифицировали стиль Епифания как „плетение словес“,² но не вдавались глубже в литературный анализ.³ Действительно, „плетение словес“ Епифания — близкий аналог „плетеного орнамента“. Слово как таковое часто теряет здесь свои выразительно-смысловые функции; элементы речи объединяются не столько логической связью, сколько на основе своей фонетической стороны, путем рифмы, ассонанса, путем гибкого видоизменения и сочетания слов одного корня.

Например, в „Житии Стефана Пермского“ читаем такие строки: в отличие от других изобретателей букв пермскую азбуку „един чернец сложил, *един* составил, *един* счинил, *един* калогер, *един* мних, *един* инок, Стефан, глаголю, приснопамятный епископ, *един* в *едино* время, а не во многа времена и лета, якоже и они, но *един* инок, *един* взъединенный и *уединенный* и *уединяся*, *един* *уединенный*, *един* *единого* бога на помощь призывая, *един* *единому* богу моляся и глаголя“.⁴ Здесь весь период „прошит“ одной нитью — корнем *един*.

Другой, более сложный пример: „Да что ты приглашу, пастуха ли нареку, понеже пасл еси христово стадо христианское словесных овец, на злаце разумнем, жезлом словес твоих, в паствине учения твоего и ныне пастве пастух сам пасом бываеши в тайном злаце“.⁵ Здесь не только ассонируют конечные слоги (приглашу — нареку), не только аллитерируют слова (приглашу, пастуха, понеже пасл и т. д.), но перекликаются, переплетаясь, слова: христово — христианское, словесных — словес, на злаце разумнем — в тайном злаце, причем сквозь все проходит словно главная нить: пастуха — пасл — в паствине — пастве — пастух — пасом. Такой период можно уподобить орнаменту с переплетением нескольких разноцветных нитей.

Наконец, пример еще более сложного ритмического орнамента, создаваемого путем распределения различного количества рифмующих и ассонирующих слов: „Да и аз многогрешный и неразумный, последуя словеси похвалений твоих, слово плету^{щи} и слово плодя^{щи}, и словом почтити мян^{щи}, и от словес похваление собирая, и приобрета^{тая}, и приплетая, паки глаголю: что ты нареку, вожа заблудившим, обретателя погбишим, наставника прелценым, руководителя умом ослепленным, чистителя оскверненным, взыскателя расточеным, стража ратным, утешителя печальным, кормителя алчущим, подателя требующим, показателя несмысленным, помощника обидимых, молитвенника тепла, ходатая верна, поганым спасителя, бесом проклинателя, кумиром потребителя, идолом попирата, богу служителя, мудро-

¹ Издано Археографической комиссией, приготовлено к печати В. Г. Дружининым (СПб., 1897).

² Так, по Ключевскому (стр. 111), епифаниевское перо — „утомительно-многословное и неистощимое в тавтологическом «плетении словес», умеющее для характеристики права Сергея подобрать 18 прилагательных так же легко, как 25 эпитетов для характеристики Стефана в его житии“. Ставя своей задачей исследовать жития как исторический источник, ища реальных подробностей в житиях, Ключевский естественно должен был пройти мимо художественных особенностей подобной словесной орнаментации.

³ Ряд наблюдений над стилем Епифания (по „Житию Стефана Пермского“) см. в книге Н. К. Гудзия „История древней русской литературы“ (изд. 4-е, М., 1950, стр. 230—233).

⁴ Указ. житие, стр. 72.

⁵ Там же, стр. 103.

сти *рачителя*, философии *любителя*, правде *творителя*, книгам *сказателя*, грамоте *пермстей писателя*.¹ Кроме окончаний, выделенных в тексте курсивом, мы находим в том же тексте нить слов: *обретателя* — *взыскателя* — *подателя*, — нить, переплетающуюся с другой нитью: *руководителя* — *чистителя* — *утешителя* — *кормителя*. Обе нити продолжаютя в конце периода, причем слова с окончаниями *-ателя* и *-ителя* начинают теперь рифмовать, переместившись с первого места на второе. Нужны по меньшей мере *киноварь* и *чернила*, чтобы наглядно показать линии этих узоров.

Епифаний сам хорошо сознавал „сплетенность“ своих слов. Он не только воспользовался в приведенном отрывке выражениями „плетущи“ и „приплетая“, но и в другом месте² говорит: „Како хвалу ти сплету?“.

Судя по „Житию Стефана Пермского“, для Епифания было характерно включение в текст *житий* сочиненных им молитв,³ *поучений*⁴ и т. п. В „Житии“ встречаются и диалоги,⁵ но более характерен для Епифания *статический* монолог в форме, как мы сказали, молитвы, *поучения*, *плача*. Так, в „Житии“ помещены „*плач пермских людей*“, „*плач церкви пермския*“, „*плачеве и похвала инока списающа*“.⁶ В соответствии с этой статикой, отсутствием „сценичности“, стоит характеристика того или иного лица путем нанизывания вереницы эпитетов. Наконец Епифаний (в отличие от Пахомия) любил давать длинную цепь текстов из „священного писания“.

Отличительным свойством произведений Пахомия были, наоборот, *драматические* (сценические) эпизоды. Например, при описании возвращения Сергия: „*ученицы ко святому в радости зельне припадающе на нозе его целоваху, и руже лобзающе, и ризам его касающеся, очи и лице знаменающе, инии же предтекуще от желания, толико хотяще зрети на нь*“. Это — многофигурная живописная композиция, сцена, в которой прежде всего привлекают внимание движения и позы. Сходные описания не даром встречаются в позднейших иконописных подлинниках.

Другое отличительное свойство Пахомия — любовь к диалогам.⁷ Речи не представляют уже собой риторических монологов, „плача“ или декламации, как у Епифания, а являются речами действующих лиц, приближаются к реалистической передаче живого разговора; повествование драматизируется, „инсценируется“, дается „в лицах“. Примером может служить начало разговора митрополита Алексия и Сергия (по редакциям Г, Д и Е). Митрополит говорит Сергию: „Ведый буди, преподобне, на что призвах тя и что хошу яже о тебе сотвори?“ . Сергий отвечает: „И како могу, господи, ведати?“ и т. д.⁸

Наконец если присмотреться ко многим рассказам Пахомия о чудесах, то нетрудно заметить, что в них особенно выделяются явления,

¹ Там же, стр. 106.

² Там же, стр. 102.

³ Там же, стр. 18—19, 52, 81.

⁴ Там же, стр. 28—29, 82—84.

⁵ Там же, стр. 57.

⁶ Там же, стр. 86—91, 91—98, 100—112.

⁷ Это было отмечено уже Яблонским, у которого приведены и примеры (стр. 270—272).

⁸ Ср. в спорной (по Тихонравову, „Епифаниевой“) редакции Б: „Видев же его митрополит и рече ему: „Добро прииде, чадо“. Сергие же отвеща: „По повелению твоему приидох, не могши преслушати твоего звания“. На мой взгляд, это еще аргумент в пользу того, что редакция Б не принадлежит Епифанию.

связанные со светом и сиянием. Пахомий пришел на Русь с Афона, который в XIV веке был одним из центров исихастского движения и споров о „несотворенности света фаворского“. В бесспорно Пахомиевском „Житии Кирилла Белоозерского“¹ читаем о том, как Кирилл „отворив оконце келии, видит свет велий, сияющ к полунощным странам Белоозера“. „И всю ночь бдяще, — заканчивает автор свой рассказ, — дивяся бывшему с гласом видению, и не бяше ему она ночь, но яко день пресветлый“. Совершенно те же обороты встречаем в „Житии Сергия“.² Даже если некоторые рассказы восходят к Епифанию, Пахомий не мог не усилить эти „светочносные“ черты.

Сюда же относится рассказ о „видении божественного огня“ и „о видении ангела“, лицо которого „светящеся яко солнце, яко не могущим зрети на нь, ризы же его быша белы паче снега, необычныи, на нижже яко злато пружие частовидно истканно и преизмечтанно видящеся“.³

При исследовании „Жития Сергия“ ни Ключевским, ни Тихонравовым не было учтено значение редакции Н (текста, помещенного в Никоновской летописи под 1392 годом). Между тем, эта редакция сохранила ряд особенностей первоначального, не дошедшего до нас протографа. По большей части редакция Н ближе всего подходит к редакции А. Но в ряде случаев имеются совпадения с редакцией Е, которая как редакция сводная естественно должна была вобрать в себя и элементы редакции Н.

Сравнительное изучение редакций Е и Н позволяет обнаружить некоторые элементы ранней, Епифаниевской редакции.⁴

В редакциях Е и Н глава „О преселении родителей святого“ содержит наибольшее количество конкретных подробностей и имен. Автор приводит причины переселения родителей: притеснения жителей Ростова московскими боярами после присоединения княжества Ростовского к Москве. Весь большой кусок, начиная со слов „Как же и чего ради обнища“ и до слов „И таковыя ради нужда“, не только отсутствует в других редакциях, но и не нашел в них никакого отражения. Отсутствует также и последующее перечисление жителей Ростова, переселившихся вместе с отцом Сергия, Кириллом. Оба куса, повидимому, восходят к Епифанию.⁵ Следом за ними идет характерное епифаниев-

¹ Текст — у Яблонского, стр. XV. „Житие“ написано в 1461 году (Ключевский, стр. 123).

² Ср. в „Житии Сергия“ („О видении братства“) повествование о том, как Сергей открыл оконце кельи, и „свет велий явися с небеси, яко всей ношней тьме отгнане быти, и толицем светом ночь она просвещена бе, яко дневной свет превосходити светлостью“. Там же в другой главе („О посещении богоматери“): „Пребысть же святыи всю ночь без сна, внимая умом о неизреченном видении“. (Обе цитаты — с незначительными вариантами во всех исследованных редакциях).

³ По редакции А. По редакциям Д и Е: „сияюще яко солнце лице его, не можаше зрети на нь; ризы же его необычны, чудны, блистающеса, в них же мечтание златостройно зрится“.

⁴ На значение редакции Н обратил в свое время внимание Голубинский (стр. 11): „Необходимо думать, что оно [извлечение Н] сделано из подлинника самого Епифания... оно дает нам, хотя и не в полном виде, подлинного Епифания... дает нам возможность видеть, насколько Пахомий при своем редактировании жития Епифаниева исправлял и переделывал последнее“. Впрочем, Голубинский предполагал в конечном итоге, что, за исключением нескольких мест, изменения Пахомия были незначительны (стр. 8 и 11).

⁵ Акад. А. С. Орлов (Древняя русская литература XI—XVII вв. М.—Л., 1945, стр. 214) пишет, очевидно основываясь на редакции Е: „Есть кое-какой историзм (например, о переселении родителей Сергия из Ростовской области), но зато и больше демонологии. Замечается также некоторый отзвук исихазма“. В соответствии

ское „плетение словес“: „Отрок же *предобрый, предоброго* родителя сын, о нем же беседа *воспоминается*, иже присно *воспоминаемый* подвижник“ и т. д.¹

В главе „О пострижении“ прославление Сергия (начиная со слов „Се бысть первый чернец“ и кончая „патриарху Аврааму“), видимо, принадлежит перу Епифания.² Также епифаниевская, как мы полагаем, — пространный молитва Сергия.³

В той же и следующей главах мы находим две другие похвалы, написанные Епифанием.⁴ Приведем лишь наиболее показательные строки той и другой: „слезы теплыя, плаkania душевная, въздыхания сердечная, бдения повсенощная, пеня трезвенная, молитвы *непрестанная*, стояния *неседальняя*, чтения прилежная, коленопреклонения частая,⁵ алкания, жадания, на земли легания, нищета духовная, *всего* скудота, *всего* недостатка“.⁶ В другой похвале буквально повторяются некоторые обороты первой, и она в сущности является ее вариантом: „алкание, жадание, бдение, на земли легание,⁷ чистота телесная и душевная, устнама молчание,⁸ плотского хотения известное умерщвление,⁹ труды телеснии,¹⁰ смирение нелицемерное, молитва непрестающая, рассуждение доброрассудное, любовь совершенная, худость ризная, память смертная, кротость с тихостию“.¹¹

Следом за перечислением добродетелей идет также кусок, написанный Епифанием:

„К сим же и всем и бесовския рати, видимыя и невидимыя брани, борьбы, сплетения, демонская страхования, диавольская мечтания, пустынная страшилища, начинаемых бед ожидания, звериная начтения и тех свирепая устремления; и еще надо всеми сими и по сих еще нестрашливу быти ему душею и не боязливу сердцем, ниже ужасатися умом к таковым вражиям кознем и лютым прилогом же и начинанием“.¹²

Эта общая (статическая) характеристика, содержащая типично епифаниевские приемы (страхования — мечтания — ожидания, сплетения —

со сказанным нами раньше, мы склонны рассказ о переселении родителей Сергия действительно возводить к Епифанию, но демонология и исихазм скорее всего введены Пахомием.

¹ Весь рассказ редакций Е и Н о переселении родителей сжат до нескольких строк в редакциях А и Б и еще короче в редакциях Г и Д.

² От этого славословия в редакции Н осталось несколько слов: „Се же бысть первый инок...“. Из редакции Е приведу лишь характерное для Епифания начало: „Се бысть первый чернец в той церкви, и в той пустыни пострижен. Первый начинанием, последний мудрованием, первый писменем, а последний же труды. А реку и первый и последний. Мнози бо в той церкви постригошася, но ни един же доспе достигнути в прясло его, мнози тажко начаша, но не вси абие сице окончаша...“.

³ Ее вовсе нет в редакции Н.

⁴ Текст их имеется с некоторыми различиями и в редакции Н. Начало первой из них: „И кто может сказати труды его“ (Е и Н). Начало другой: „Бяху добродетели его сице“ (Е), „Житие же его бе сицево“ (Н). На Епифания указывают длинные ряды добродетелей, даваемых в форме перечисления, и „цитатность“ (многочисленные ссылки на „писание“).

⁵ Эти два слова отсутствуют в редакции Н.

⁶ На этих словах кончается совпадение с редакцией Н.

⁷ Пост, жажда, сухоядение, беспостелие, бдение (Н).

⁸ Дальше в редакции Н: труды телеснии всегдашнии.

⁹ Плоти умерщвление, тихость, кротость (Н).

¹⁰ В редакции Н эти слова были раньше.

¹¹ Последних трех слов нет в редакции Н, так как они были раньше.

¹² Аналогичное имеется во второй из указанных похвал: „Диавол же похотными стрелами“ и т. д., кончая словами „якоже бесове греховною стрелою устрелить хотяху, противу тех преподобный честотными стрелами стреляше, стреляющих на мраце правыя сердцем“, — типичная епифаниевская „инструментовка“. Означенный текст в точности имеется и в редакции Н.

натечения — устремления), явилась тем зерном, из которого позднее, у Пахомия, выросла целая группа демонологических рассказов о „чертовщине“, о „кознях бесов“, например о появлении множества „воев бесовских“, одетых в одежды литовские и в „шапки литовские островерхие“.

Мы не беремся здесь выявлять в редакциях Е и Н все епифаниевские вкрапления. Ограничимся лишь одним примером.

„Бог же моления его николиже не презре, яко благосердие имея множество щедрот, не навывче бо презирати моления боящихся его и творящих волю его. По временех же неколидех, сиречь пребывшу ему в пустыни единому единствовавшу, или две лете, или более или меньше, не веде, бог весть, и по сих, видя бог великую веру его и многое терпение его, умилосердися нань, хотя облегчати труды его пустынный, вложи в сердце некоторым от братиа мнихом богобоязненным, и начаху приходити к нему. Се же бысть строением и промышлением всесильного и милосердного господа бога, яко *хочет* не единому Сергию жити в пустыни сей, но множайшии братии, якоже рече Павел апостол: не ища своя пользы единого, но многих, да ся спасут; или реши: яко *хочет* бог воздвигнути место то и пустыню ту претворити и ту монастырь устроить, и множайшим братиям собратися“.¹

Мы склонны видеть в приведенном отрывке первоначальную редакцию Епифания или во всяком случае редакцию наиболее близкую к ней. На это указывают такие обороты, как „единому единствовавшу“, ссылки на писание и т. п.

Весьма показательно, что в той же редакции Е вслед за приведенным текстом идет другой приступ того же рассказа: „Богу тако изволшу, начаша посещать его мниси, исперва един по единому, потом же овогда два, овогда же три“.²

Мы установили, что редакция Б не является первичной (Епифаниевской) редакцией, и наметили возможные пути к разысканию первичного текста в составе так называемого „пространного жития“ (редакция Е).³

Нам надлежит теперь рассмотреть вкратце соотношение между другими редакциями. Мы начнем с редакции Г, которую Тихонравов называл „первой Пахомиевой“. Она не может быть таковой по следующим соображениям.

Если взять текст двенадцати „чудес“, несомненно принадлежащий Пахомию, то сопоставление редакций Г и Д (первой и второй Пахомиевских редакций, по Тихонравову) дает такую картину: текст двенадцати „чудес“ — по существу один и тот же в редакциях Г и Д, с тою разницей, что в редакции Г он более сжат, а в редакции Д — более полон. Трудно представить себе, чтобы первичной редакцией была редакция Г, осложнявшаяся вставками и подробностями. Наоборот, все говорит за то, что редакция Д была сжата до объема редакции Г.

Очень важна деталь в описании восьмого „чуда“ — „о войне избавленом от поганых“. В редакции Д имеется указание, что „чудо бысть в наши лета“. Оно отсутствует в редакции Г. Это говорит против

¹ Редакция Е.

² Наиболее близка к только что приведенной второй редакции редакция Н.

³ Н. К. Гудзий (История древней русской литературы, стр. 233) говорит, что „в житии Сергия Радонежского, написанном Епифанием спустя лет 20 после жития Стефана Пермского, риторические излишества значительно умеряются стремлением автора к возможно большей фактичности и документальности изложения“. С точки зрения, предложенной нами, разница объясняется тем, что в редакции Е (которую в данном случае имеет в виду Н. К. Гудзий) куски подлинного текста Епифания тонут в тексте, подвергшемся перередактированию Пахомием.

того, что редакция Д возникла из редакции Г: при последнем допущении естественнее было бы видеть указание на „наши лета“ в более раннем варианте (Г), указание, которое должно было бы быть в выброшенным, а не вставленным в вариантах более поздних. Его естественнее всего было бы видеть в том списке Г, который относится к 1459 году и который является древнейшим из всех известных нам списков „Жития Сергия“. Между тем мы видим обратное. А это показывает, что редакция Д не возникла из редакции Г, но создавалась на основе варианта, лежавшего и в основе редакции Г и в основе редакции Д. В редакции Г указание на „наши лета“ было выкинуто, так как эта редакция вообще менее богата конкретными подробностями, чем редакция Д.

В самом деле, например в третьем „чуде“, читаем: в редакции Г — „некий архимандрит“ Игнатий, в редакции Д — „архимандрит Денисиевы пещеры“ Игнатий; в четвертом „чуде“: в редакции Г — „некий человек Дмитрий именем“, в редакции Д — „некий муж от великодержавного полаты великого вельможи сын именем Дмитрие“; в пятом и шестом „чудесах“: в редакции Г — „Захария именем“, тогда как в редакции Д указано не только имя, но и „старей вельможа граду Тфере“ и фамилия „Бороздин“; в седьмом „чуде“: в редакции Г — „некий человек Симеон имя ему“, в редакции Д — „некий муж от великих купец и славных господствующему граду Москве Симеон именем“.¹

Весьма существенно, что „чудо в латинских странах“ (1441—1443) и три „чуда“, датированные 31 мая 1449 года, имеются в редакции Г и отсутствуют в редакции Д; иначе говоря, наличны в той редакции, которую принято считать более ранней, и отсутствуют в позднейшей.²

Впрочем мы полагаем, что в вопросе о соотношении между редакцией Г и редакцией Д соотношение „раньше“ и „позже“ не является главным. Главным является то, что редакция Д (или, точнее, протограф Д) служит основой для редакции Г. Написаны они могли быть почти одновременно.

Ведь всякое житие ставило себе две цели: „назидание“ и „история“. Нельзя забывать, что житие полагалось читать за всенощной и за монашеской трапезой. Текст такого жития, преимущественно преследовавший цели „назидания“, должен был естественно отличаться от текста для чтения „про себя“, от текста, имевшего целью удовлетворить любознательность древнего книжника. В „назидательной“ редакции, читаемой вслух, не нужны были фактические подробности, не нужны были сведения чисто исторического характера. Она должна была быть короче,

¹ В описании двенадцатого „чуда“ в редакции Д имеются слова: „И всем братьям предстоящим и мне недостойному Пахомию, писавшему в то время житие святого. . .“. Этих слов нет в редакции Г. Нельзя толковать это отсутствие так, что в редакции Д вспоминается о времени, когда составлялась первая редакция (Г). В сопоставлении с данными, приведенными в тексте, следует понимать это как обеднение подробностями, вообще характерное для редакции Г. „Писавшему в то время“ в редакции Д — не воспоминание об отдаленном прошлом, а простое указание, что „Житие“ еще не было кончено. Ведь в сь рассказ ведется в прошедшем времени; вот почему и сказано „писавшему в то время“, а не „пишущему ныне житие святого“.

² Яблонский (стр. 62) довольно робко пытался оспаривать мнение о хронологическом приоритете редакции Г, указав, что отсутствие в редакции Д рассказа о „чуде в латинских странах“ наводит на мысль о составлении редакции Д до 1443 года. Однако в конечном итоге он вернулся к точке зрения, ставшей традиционной, а именно, что редакция Г есть „первая Пахомиевская редакция“, а редакция Д — „вторая“.

„вневременное“. Редакция Д — „историческая“, редакция Г — „назидательная“.

Рассмотрим теперь соотношение между редакциями А и Б. Считая редакцию Б первоначальной (Епифаниевской), Тихонравов вынужден был толковать редакцию А как текст Б, видоизмененный Пахомием. Однако такое толкование сопряжено с рядом затруднений. Уже Яблонский¹ обратил внимание на сходство главы „О родителях святого с Метафрастовым „Житием Ксенофонта и Марии“. Наибольшая близость наблюдается как раз в редакции А, остальные редакции всё дальше уводят в сторону. Точно так же глава „О откровении грамоте отроку“ в редакции А ближе всего к „Житию Феодора Едесского“.²

Это говорит в пользу первичности редакции А. Ведь нельзя же допустить, что при последующем редактировании текст „чинили“ в деталях по указанным литературным образцам, приближая его к ним.³

В уже упоминавшейся главе о родителях в редакции Б отсутствует конкретное указание на Ростов: „Бысть бо некто муж благоверен именем Кирил“. Вместо этого в редакции А: „Бысть бо в стране Ростовския области некий муж благоверен именем Кирил“. Таким образом и здесь, видимо, редакция А ближе к протографу, чем редакция Б.⁴ В других случаях, правда, налицо обратное: например, в редакции Б упоминается о трех братьях (как и в редакциях Е и Н), тогда как в редакции А речь лишь о двух — Сергии и Стефане).

Мы не будем в деталях проследивать соотношение между редакциями А и Б. Достаточно констатировать, что редакция А, хотя бы в отдельных случаях, сохранила первоначальные черты протографа. Тем самым отпадает предположение о первичности редакции Б. Словом, редакция А и редакция Б — два отпрыска одной ветви.⁵

Повторяю, что при анализе редакций А и Б и Г и Д следует ставить вопрос не только о „раньше“ и „позже“, но и о назначении их. На это в свое время указывал Голубинский. „Епифаниево житие преп. Сергия очень обширно“⁶ — писал Голубинский, — „... людей, желавших читать его, должна была устрашать эта его обширность; людям, желавшим иметь у себя его списки, должно было дорого обходиться приобретение последних. А таким образом и желательно было

¹ Яблонский, стр. 280.

² Издано Обществом любителей древней письменности (СПб., 1878). Ср.: Яблонский, стр. 277—279.

³ Например, в редакции А говорится о родителях Сергия: „К странным и нищим прилежаю“ (в „Житии Ксенофонта и Марии“ — „болма на добродетель прилежаста, сиротам же и вдовицам, странным и нищим обидно подавающе“). Между тем в редакции Б — более отвлеченно: „всяческими добродетелими украшени беху“.

⁴ В редакции Г: „Бысть бо некто муж в граде Ростове Курил именем, благоверен сый“. В редакции Д: „Бысть бо некто муж отечества граду Ростову Курил именем, благоверен сый“. Это подкрепляет предположение, что в редакции Б указание на Ростов выпало.

⁵ Что касается соотношения между редакциями А и Б, с одной стороны, и редакциями Г и Д, с другой, то ограничимся указанием, что повествование о Киржацком монастыре имеет две версии. В одной группе редакций (А, Б, Н, Е) уход Сергия в Киржац мотивируется разногласиями с братом Стефаном, в другой (Г и Д) эти разногласия завуалированы и в качестве причины приводится искание Сергием „безмолвия“. Несомненно, первая версия является более ранней (в списке Унд. № 370 они полностью приведены обе, одна за другой). Нельзя, однако, делать из этого вывод, что в целом редакции А и Б старше редакций Г и Д, так как в других случаях (некоторые из них приводятся дальше) редакция Б содержит следы более поздней обработки (см. ниже, стр. 157, об элементах „митрополичьей“ версии).

⁶ Под „Епифаниевым житием“ Голубинский понимает здесь так называемое „пространное житие“, т. е. редакцию Е.

его (жития) минейное сокращение, которое бы было и удобчотомо и удобоприобретаемо“.

Но следует ли вообще отбросить на основании всего сказанного версию о двух разновременных редакциях Пахомиевского „Жития“? Нам думается — нет. Не следует, однако, искать и первую и вторую редакции как нечто цельное среди редакций А, Б, В, Г, Д, Е, т. е. отождествлять одну из этих редакций с первой, а другую — со второй. Напомним, что ни один список не восходит за пределы 1459 года, не старше 1459 года, который является *terminus ante quem* для второй редакции. Ключевский считал, что первая Пахомиевская редакция была создана в 1438—1443 годах, а вторая — в 1449—1459 годах. Нет оснований сомневаться в этих датировках. Но нужно вспомнить некоторые политические события 1440-х годов. В 1442 году Дмитрий Шемяка и великий князь Василий Васильевич Темный примирились у гроба Сергия в Троицком монастыре в присутствии игумена Зиновия. В 1446 году Можайский князь Иван Андреевич захватил великого князя Василия Васильевича в Троицком монастыре, и через несколько дней после этого Василий Васильевич был ослеплен Шемякою. Известно, что в 1446 году на стороне Шемяки были между прочим и „троицкие старцы“ или „троицкие чернецы“.¹ В 1449 году Шемяка потерпел поражение под Галичем, а в 1453 году был отравлен сторонниками Василия Васильевича Темного.

Таким образом время первой редакции Пахомия (до 1443 года) было периодом, когда взаимоотношения Шемяки и Василия Темного до некоторой степени наладились. После 1449 года, к моменту начала работы над второй версией, всякое „шемякофильство“, к которому склонны были по крайней мере некоторые „троицкие старцы“, стало неуместным и прямо-таки одиозным. Следовательно, вторая редакция должна была быть проведена прежде всего в политических целях: нужно было убрать из текста все сепаратистские, антимосковские намеки — обличения московских бояр, притеснявших жителей Ростова, всякое проявление симпатий к Шемяке и его родным и т. д.²

Примером того, как элиминировались подобные намеки, может служить рассказ о постройке Троицкого собора. В редакции Г и еще более подробно в редакциях Д и Е упоминается в этой связи сын Дмитрия Шемяки, Юрий Звенигородский. Упоминание о нем вовсе исчезает в „Житии Никона“, где основание собора всецело связывается с именем игумена Никона, ученика Сергия.³

¹ А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 82; „Временник Общества истории и древностей российских“, X, 1851, стр. 21.

² Для Голубинского (стр. 9), хорошо объяснившего возникновение проложных житий и одного „минейного сокращения“, осталось непонятным появление второго „минейного сокращения“, т. е. второй Пахомиевской редакции. Единственное объяснение, которое он предложил, сводится к следующему: „Что касается второго минейного сокращения жития Епифаниева, относительно нужды в котором не может быть сделано никакого предположения, то власти монастыря, умножая новые редакции жития преп. Сергия до числа четырех, вероятно хотели содействовать этим нарочитому возвышению преподобного, а Пахомий, с своей стороны, поддерживая власти в их мысли, мог иметь в виду свой денежный интерес (ибо необходимо думать, что, представляя собою первого русского литератора, который получил за свои труды гонорар, он работал для монастыря не даром, а за деньги)“.

³ „Житие Никона“ сохранилось в двух основных редакциях — пространной и краткой, не считая так называемого „особого варианта“ краткой редакции. Какая из них старше — мнения расходятся. Нет точных указаний и на время, когда они возникли. Ключевский предположительно относил краткую редакцию к 1440—1459 го-

Если бы редакция Г была „первой Пахомиевской редакцией“, как думал Тихонравов, а редакция Д — „второй“, было бы совершенно непонятно, каким образом во второй редакции (Д) могло быть усилено панегирическое восхваление Юрия Звенигородского: „великодержавный бе и хвалим достойно и просвещения сподобленный от святого, христоролюбивое чадо его, князь Георгие“ вместо „хвалам достойный князь Георгий“.

Единственное объяснение — предположить, что и редакция Г и редакция Д в данном случае являются фрагментами двух вариантов одной и той же первой редакции, уцелевшими в составе второй. Один вариант (Д) — более полный, „исторический“, другой (Г) — более сокращенный, возникший из переработки полного для уже указанных „назидательных“ целей.

Приводим текст по редакции Д с указанием разночтений редакции Г в сносках.

„Тем же и стекошася¹ державнии князи и священнии собори; иже великодержавный бе и хвалим достойно и просвещения сподобленный от святого, христоролюбивое чадо его, князь Георгие.² Сий убо велию веру имея³ к преподобному отцу своему⁴ и премного попечение обители его⁵ яко во истину чудного⁶ отца совершенное в добродетелях⁷ чадо, достойную честь⁸ воздавая⁹ отцу и прилежно от усердия служа“.¹⁰

Дальше в редакциях Д и Е даются одна за другой две параллельные версии рассказа о сооружении собора.

(1-я версия). „И тако настояи и весь священный собор ученицы блаженного, с великодержавными князи совещаша совет благ, обложиша церковь камению над гробом святого“.

(2-я версия). „И тако помоганием христоролюбивых князей, верою и любовию ко святому прилежащу, присный ученик святого Никон горяше духом и подвигу zelному касашеся со братнею, желание имый, еже бы при животе его совершиться, еже начат, святому храму единосущный троица, в похвалу своему отцу, еже и бысть молитвами святого отца вскоре, по прошению его. Церковь бо, якоже рехом, красну воздвиг и подписанием чудным и всяческими добротами украсив. От чадолюбивого же предпомянутого чада присного рука простерта ко строению паче всех бяше“.

Всему этому в редакции Г соответствует одна строчка: „И тако на том месте создаста церковь зело прекрасну“.

Другим важным историческим событием примерно тех же годов был Флорентийский собор (1438—1439), уронивший в глазах Москвы престиж византийского духовенства. В 1453 году пал Константинополь. Москве и Московской митрополии уже не могли импонировать апелляции к авторитету греков и Византии. Задача второй Пахомиевской редакции должна была поэтому заключаться в элиминировании тех византийско-греческих элементов, которые были наличны в ранних

дам (стр. 120), а Яблонский (стр. 74) полагал, что „определить точнее это время за отсутствием данных нельзя“. Мы полагаем, что отсутствие упоминаний о Юрии Звенигородском позволяет несколько сузить диапазон: 1449—1459 или даже 1453—1459 годы вместо 1440—1459 годов.

¹ И стекошася в тоя основания.

² в них же бе и хвалам достойный князь Георгий.

³ имый.

⁴ к святому.

⁵ и много попечение имый.

⁶ доброго.

⁷ добродетели.

⁸ честь достойну.

⁹ воздая.

¹⁰ бе бо от преподобного и просвещения сподоблен и прилежно от усердия служаща отцу.

редакциях „Жития Сергия“ и может быть восходили к Епифанию. На первое место должно было выступить значение Москвы и московского митрополита.¹

Например, в главе „О Симоновом монастыре“ (редакции А и Н) читаем, что константинопольский патриарх дал Феодору, племяннику Сергия и основателю Симонова монастыря, грамоту, разрешавшую ему „митрополиту ничим некоторыми делы не повиноватися“. Как мы уже говорили, редакция Н по большей части сохранила элементы ранней редакции „Жития Сергия“. Очевидно, таким ранним элементом является и приведенная цитата.

В тех же редакциях А и Н рассказ о выборе места для Симонова монастыря ведется в таком порядке: Феодор находит место, показывает его Сергию и только потом заручается согласием митрополита московского. В редакции Б повествование (в отличие от всех других редакций), наоборот, начинается с прихода Феодора к митрополиту, который благословляет его на выбор места. Очевидно, что эта последняя версия — наиболее поздняя (что, в частности, является еще одним аргументом против Тихонравова, считавшего редакцию Б — Епифаниевской).

В той же редакции Б, в главе „О преставлении Алексия митрополита“, также имеется кусок „митрополичьей версии“, отсутствующий в других редакциях.² Характерен и такой оборот: „Святый же не могы преслушати его рече“ (в редакции А: „блаженный рече“). Власть московского митрополита, следовательно, в редакции Б подчеркнута.

Таковую же картину дает глава „О начале монастыря на Киржаче“. Здесь в редакции Б также подчеркнуты власть и авторитет московского митрополита. Например: „Сице рцете господину моему митрополиту: вся от твоих уст, яко от христовых уст приму с радостию и ни в чем же преслушаю тя“ (в редакции А: „Он же обещася тако быти“). Дальше в редакции Б: „той же [т. е. Алексий] слыша зело возвеселися совершенному его послушанию“ (отсутствует в редакции А).

Наконец, сопоставляя различные версии рассказа о посланцах константинопольского патриарха Филофея к Сергию, можно также заметить различные оттенки в приемах изображения московского митрополита и его роли.

Не следует все сказанное понимать так, что среди редакций А, Б, В, Г, Д, Е одни — „византийско-греческие“, другие — „митрополичьи“. Точно так же, как при поисках Епифаниевского текста мы не могли остановиться ни на одной из этих редакций, а вынуждены были искать фрагменты произведения Епифания, инкрустированные в позднейший текст, так и здесь. И в данном случае, как и в других, мы ограничиваемся отдельными примерами, не вдаваясь в детальное анатомирование текстов.

Общий вывод настоящей статьи таков. Неверно было бы называть одну из редакций А, Б, В, Г, Д, Е, Н „Епифаниевой“, или „первой Пахомиевой“. Ни та, ни другая не дошли до нас в целом, законченном

¹ Так, рассказ о „епископе греке“ (имеющийся лишь в редакциях Г, Д и Е), вероятно всего, возник в ту пору, когда греки перестали быть для Москвы „благотельями чистоты православия“, т. е. в годы, близкие к Флорентийскому собору.

² Начинается словами: „Видевше его митрополит“. И дальше: „Взем же един от бояр“. Что касается других редакций, то в редакциях Д и Е, — а в Никоновской летописи (кроме редакции Н, помещенной под 1392 годом) имеется рассказ о том же событии в „Повести об Алексее митрополите“ под 1376 годом, за вычетом незначительных подробностей, совпадающий с редакцией Г (см. ПСРА, т. XI, 33—34). Во всех этих редакциях роль митрополита выделена меньше, чем в редакции Б.

виде. Можно лишь искать их фрагменты в дошедших до нас списках — фрагменты, носящие характер инкрустаций или вкраплений. Те списки, которыми мы располагаем, в основном являются „второй Пахомиевой редакцией“, продолжавшей видоизменяться вплоть до XVI века.

Ведь в самом деле, — необозримое множество списков „Жития Сергия“ вряд ли может быть уложено в Прокрустово ложе двух редакций, связанных с именем Пахомия. В неустанной доработке и переработке „на различную потребу“, для различных целей и нужд, принимал, конечно, участие не один Пахомий Серб. В „Житие Сергия“ вливались элементы других „житий“, на эволюцию редакций и вариантов влияло летописание, влияла политическая обстановка. Разветвлявшиеся на отдельные струйки и ручейки варианты вновь сливались в своды и обобщенные переработки и т. д., и т. д. Но рассмотрение всех этих вопросов выводит нас далеко за пределы тех скромных задач, которые мы себе поставили в настоящей статье.
